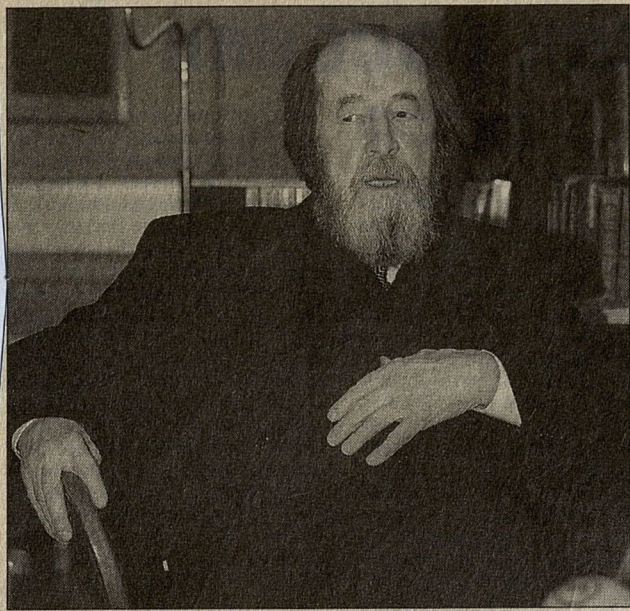


200 лет на одном месте

А.И.Солженицын. «Двести лет вместе.

Часть I (1795-1995)». М., «Русский путь», 2001



АП. АЛЕКСАНДР ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

На проклятые вопросы дай ответы нам простые...

Новый труд Александра Исаевича написан с явным подражанием автору «Истории государства Российского». Тот же беспристрастный тон, та же умеренно гуманная оценка событий, то же обилие выписок и документалистики. Карамзин с одинаковым спокойствием описывал и полезные деяния Ивана Грозного, и публичное изнасилование боярских жен, и вспарывание животов беременным женщинам. Эта беспристрастность побудила Пушкина поэт обвиняет историка в изящном воспевании самовластья и прелестей кнута. Однако это не помешало Пушкину сказать, что Карамзин открыл русскую историю россиянам подобно Колумбу, открывшему Америку. Сказать, что Солженицын открыл россиянам еврейский вопрос, а еще правильнее сказать – геноцид еврейского населения, я не могу, а вот прелести кнута нет-нет да и воспеваются. Александр Исаевич крайне некритически воспринял националистическую теорию о том, что евреи-де не полноправные и коренные жители Киевской и Московской Руси, а откуда-то пришли. Все народы когда-то куда-то пришли, но ведь из материалов самой же книги видно, что евреи жили на этой территории и при Владимире-Красно Солнышко, и при всех изгомных правителях. Еврейский погром привел в крайнее смятение святого равноапостольного князя, и он вовремя пресек бесчинства. Некритически усвоена и другая догма российских самодержцев о том, что евреи-де только и делали, что спаивали русский народ. Странно, что мимо внимания маститого автора прошел труд великого русского писателя Лескова, где с цифрами и документами было доказано, что доля участия евреев в виноторговле не превышала участие в этом деле других народов. А если бы и превышала, разве это хоть сколько-нибудь оправдывает погромщиков? Александр Исаевич справедливо замечает и убедительно доказывает, что русский народ в массе своей до 1917 года не был настроен антисемитски. Погромы происходили в Молдавии и в Западной Украине. Беда лишь в том, что именно в этих местах в узаконенных и не узаконенных зонах оседлости как раз и жили евреи. Изумление вызывает и описание погромов. Взять хотя бы тот же Кишиневский погром, потрясший не только Россию, но и весь цивилизованный мир. Слегка и вскользь пожурив правительство за то, что оно не приняло должных действенных мер к предотвращению кровавого кошмара, Солженицын вдруг с гневом и яростью обрушивается на русскую и мировую прессу за то, что она преувеличила зверства, творимые погромщиками. Мол, гвозди в голову никому не заколачивали, фактов надругательства над трупами не выявлено. Откуда такая неколебимая и святая вера в полицейские протоколы и полное недоверие к свободной прессе? Всякий раз, когда общественность уличает самодержавную власть в вольном или невольном попустительстве погромщикам, Солженицын на стороне власти. Конечно, право автора принимать ту или иную версию, но читательское доверие такая позиция не вызывает. Конечно, царское правительство не было фашистским или сталинским. Никто из царей и мысли не допускал о физическом истреблении евреев или о полном лишении евреев всех человеческих прав. Можно согласиться с автором, что с еврейским народом обращались так же бесцеремонно, как с русским. То евреям не разрешали жить в сельской местности, то, наоборот, выдавливали из города. Одни цари устанавливали зоны оседлости, другие вытесняли еврейский народ за границу, третьи

стремились всех окрестить и ассимилировать. Геноцид Александр Исаевич, конечно, не одобряет, но всякий раз, когда речь идет о притеснениях еврейского народа, он отмечает, что в других государствах в те времена поступали так же и даже хуже. Да неужели же это может служить оправданием или хоть как-то смягчает грех антисемитизма? Павел Флоренский вспоминает, как в детстве назвал одну женщину жидовкой, и считал это тяжчайшим прегрешением своей жизни, которое за давностью лет не тускнеет. Я не буду перечислять сколько раз это слово повторено в книге при цитировании разного рода исторических документов. Замечу только, что лексика заборного мата, слишком часто повторяемая в научном исследовании при любой защите диссертации, воспринимается научным сообществом отрицательно. Книга же Александра Исаевича не только научная, но и публицистическая. Солженицын сетует, что в советских изданиях словаря Даля многие слова от этого корня устранены, хотя известно, что лишь в середине XIX века слово это стало бранным ругательством. Думаю, что и Даль сегодня бы эти слова устранил. Ведь нет же в его труде бранных слов за пределами лексики. В книге беспристрастно говорится о политике пропорционального представительства в высших учебных заведениях студентов разных национальностей. Такой политики придерживались по отношению к евреям цари и генсеки. Во всем мире это именуется расизмом. Единственным критерием при поступлении в вуз должны быть знания поступающего и его талант. Солженицын приводит лавину цифр, доказывающих, что евреи всегда нарушали и образовательный ценз, и черту оседлости, но так и не ясно, хорошо или плохо. В этом главном вопросе в книге полная стилистическая невнятица. Единственной, безусловно, светлой страницей книги смотрятся 329-я, где церковные иерархи и праведники решительно осудили погромщиков. Вот высказывание о. Иоанна Кронштадтского о погроме, приуроченном к Пасхе: «Вместо праздника христианского они устроили скверноубийственный праздник сатане». Вот высказывание будущего митрополита епископа Антония (Храповицкого): «Страшная казнь Божия постигнет тех злодеев, которые проливают кровь, родственную Богочеловеку, Его Пречистой Матери, апостолам и пророкам». Такой чистоты и ясности в словах Александра Исаевича я не нашел, хотя, честно скажу, искал, читая его труд от корки до корки. Создается впечатление, что автор даже не подозревает о существовании другого мира, где нет ни иудея, ни эллина. Называется книга «Двести лет вместе», а прочитывается как двести лет порознь. Русская интеллигенция еще в девятнадцатом веке преодолела этот барьер и пришла к утверждению общечеловеческих ценностей, а этот труд отбрасывает нас куда-то в дохристианскую муть, где надо делить людей на еврейскую и русскую сторону, занимая роль третейского судьи, на которую явно претендует автор. Скучное и неблагодарное это дело, особенно в России. Я не представляю себе, чтобы подобный труд мог появиться в современной Германии или Франции. Там из двадцатого века извлечены большие уроки. Россия даже в числе лучших своих сынов, коим, несомненно, является Солженицын, все еще заглядывает в пропасть умеренного национализма. Разница между умеренным и неумеренным национализмом такова же, как разница между опухолью и раковой опухолью. От последней только вред, а от первой уж точно никакой пользы.

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия».